

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

I. 50-е годы

1. Увлечение книжной стариной

¹ — Если библиография могла увлечь и обогатить интеллект Писарева, то можно представить себе, как увлекались в то время библиографией молодые люди иного душевного склада. Но если Писарев увлекался библиографией новой книги, в которой «чувствовалось обаятельное веяние жизни», то значительная часть тогдашней молодежи особенно увлекалась библиографией старинной русской книги.

Для отдельных представителей молодежи 1850-х гг. действительно было свойственно увлечение старинной русской книгой и библиографией, однако это увлечение началось задолго до 50-х гг. Еще в начале XIX в. отечествоведение оказалось в центре внимания исторических и филологических наук и неразрывно связанной с ними библиографии. Мощный толчок этому научному и общественному движению дала Отечественная война 1812 года. Достаточно назвать труды П. М. Строева, К. Ф. Калайдовича, А. Х. Востокова, митрополита Евгения (Болховитинова), чтобы стало ясно, что деятели 1850-х гг. имели серьезных предшественников. Поэтому логично говорить не о возникновении, а о новом этапе в развитии библиографии старинной русской книги.

Следует, однако, подчеркнуть и коренные различия этих этапов. Библиографов начала века интересовала преимущественно книга (и рукопись, ибо археография находилась в неразторжимом альянсе с библиографией) допетровская, а деятелей второго этапа — книга XVIII в., которую, строго говоря, в их время нельзя было назвать старинной: это был вчерашний день, но день, исполненный тайн и запретных сюжетов.

Сегодня трудно представить, как мало знали исследователи середины XIX в. о веке предшествующем. Публикуя записки известного масона И. В. Лопухина, А. И. Герцен писал: «Всякое правдивое сказание, всякое живое слово, всякое современное свидетельство относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинает быть известным. Времена татарского ига и московских царей нам несравненно знакомее царствований Екатерины, Павла. История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и риторику подобострастия».⁽¹⁾

«Если наши библиофилы, — отмечал Н. П. Огарев, — помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мертвых, — эти пропадающие отрывки из жизни многих людей, которым ничто человеческое не было чуждо, ярко восстановили бы историю нашего развития».⁽²⁾

Таким образом, старина, которой увлекались молодые библиографы середины XIX в., — это преимущественно век восемнадцатый. Этот век был особенно богат тайнами: смерть царевича Алексея, бироновщина, убийство Петра III, судьба Иоанна VI Антоновича, фаворитизм Екатерины II, стоивший государству миллионы рублей и десятки тысяч закрепощенных «вольных хлебопашцев», пугачевщина, участь Н. И. Новикова и А. Н. Радищева — вот сюжеты, которыми предстояло заняться библиографам. «Потаенный XVIII век, — писал Н. Я. Эйдельман, — был для конца 1850-х годов одним из актуальных (выделено мной. — Л. Р.) и пространенных сюжетов как в вольных, так и в подцензурных изданиях».⁽³⁾

Не следует забывать о том, что функции библиографии того времени отличались от нынешних. От библиографии тогда еще не отделились (хотя этот процесс уже подспудно намечался) ни история книги и книгопечатания, ни библиотековедение, ни текстология, ни историко-литературные разыскания. Библиограф тех лет был книговедом в самом широком смысле слова. Все видные библиографы середины прошлого века наряду с составлением указателей занимались разысканием и публикацией забытых или неизвестных литературных памятников. А некоторые деятели того времени, известные как библиографы и вошедшие по праву в историю русской библиографии, либо вообще не составляли указателей (М. Н. Лонгинов, С. А. Соболевский, Н. С. Тихонравов), либо не довели их до печати (С. Д. Полторац-

кий). Основным занятием книжников того времени, чем и определялась их принадлежность к корпорации библиографов, была работа по разысканию и публикации отдельных фактов истории русской литературы и книжного дела.

Это вполне понятно и объяснимо, если учесть, что в 1850-е гг. библиография и история литературы, находившиеся в нерасторжимом единстве, переживали эпоху первоначального накопления фактов. Кроме того, на библиографии лежала обязанность сохранения текста (оформившаяся несколько позднее в отдельную отрасль — текстологию, которая в середине XIX в. еще только создавалась).

Итак, к занятиям библиографией в это время относились: описание книг и рукописей; составление биографий писателей; текстологическое изучение и редактирование их сочинений; издание малоизвестных литературных памятников; изучение истории и современного состояния библиотек и печатного дела и, конечно, библиофилия. Можно сказать, что к середине 50-х гг. XIX в. в России формируется новый тип работника книжно-литературного дела, сочетавший в себе библиографа, библиофила, текстолога и историка литературы.

² — *Пыпин пишет о середине 50-х годов, что «именно в это время разыскания в старой литературе занимали целую группу молодых людей (отчасти будущих ученых) в Петербурге и в Москве».*

Здобнов цитирует следующее высказывание А. Н. Пыпина: «...Именно в это время разыскания в старой литературе занимали целую группу молодых людей (отчасти будущих ученых) в Петербурге и в Москве. Несколько позднее, к концу пятидесятых годов, над этой, так называемой библиографией, немало подшучивали, — например, Добролюбов, который одно стихотворение в „Свистке“ снабдил целой массой подобных библиографических примечаний, остроумно-шутовских; а в последнее время г. Венгеров, сам весьма прикосновенный к этому делу, также отозвался о „библиографах“ 50-х годов несколько свысока. В действительности дело обстояло не так просто и заключалось не в одной случайной охоте к литературному антикварству, к отысканию книжных курьезов, раскрытию старинных псевдонимов и т. п. Почти сплошь эти новые антиквары были тогда молодые люди с большой любознательностью к литературной истории, и их работы в этом направлении были вовсе не случайны и не произвольны <...> Что это органический и жизненный интерес, можно видеть уже из того, что в новом поколении он вырастал сам собою, без чьего-либо указания или руководства, в отдельных лицах, которые приступали к делу с разных сторон; только после эти люди иногда сближались, не составив, однако, какого-нибудь кружка».⁽⁴⁾

Причины, побудившие молодых библиографов 1850-х гг. обратиться к изучению старины, по мнению Пыпина (а вслед за ним и Здобнова), следующие: первой, наименее существенной, он считал цензурные репрессии, заставлявшие книговедов искать прибежища в «невинной» старине; вторая же, главная, — развитие исторической науки и, в частности, отечествоведения. Однако 1850-е годы нельзя рассматривать как целостное десятилетие: оно резко делится на две половины: первая — до смерти Николая I (1855), вторая — эпоха либерализации. Если первая половина именуется «эпохой цензурного террора», или «мрачным семилетием» (1848–1855), то вторая считается одной из самых благополучных в цензурном отношении. И тут возникает некий парадокс: как раз в мрачное время последних лет николаевского режима у библиографии не возникало никаких цензурных трудностей. Она считалась занятием мирным, уделом анахоретов-книжников и никак не преследовалась. Было ли то результатом автоцензуры, — можно только догадываться. Но как только пал николаевский режим, как только появилась хоть какая-то возможность опубликования накопившегося в частных собраниях «горячего» материала, — сразу начались цензурные преследования, так что «увлечение стариной» от ситуации в цензурном ведомстве не зависело. Преследования начались тогда, когда тематика публикаций и статей библиофилов-библиографов коснулась тем запретных или полузапретных, и такая ситуация характерна для второй половины 1850–1860-х гг. «При Александре II, когда литература и общество почувствовали, что власть „со слабинкой“, — писал Н. Я. Эйдельман, — началась длительная упорная война за рассекречивание прошлого».⁽⁵⁾ Так что отношения библиографии с цензурой в середине века были куда сложнее и своеобразнее, чем это отложилось в памяти Пыпина.

³ — В журнале «Библиотека для чтения» (1854, №№ 2–3) Михайлов напечатал большую статью под заглавием «Старые книги».

О цикле статей М. Л. Михайлова «Старые книги», опубликованном в журнале «Библиотека для чтения», см. примеч. 39 к гл. 3 «Теория библиографии».

⁴ — В 1856 г. Добролюбов напечатал в «Современнике» также большую статью о старинном журнале «Собеседник российской словесности».

Здобнов приводит искаженное название; правильное название журнала, о котором писал статью Н. А. Добролюбов, — «Собеседник любителей русского слова» (см. также примеч. 013 к тексту главы). Статья Добролюбова (под псевдонимом Лайбов) была опубликована в 1856 г. в журнале «Современник».⁽⁶⁾ В ней Добролюбов резко отозвался о современных ему библиографах и библиографии в целом. (См. примеч. 12, 13 к гл. 2 «Н. А. Добролюбов» раздела «Революционные демократы и библиография».)

⁵ — Возникшая в начале 40-х годов и продолжавшаяся в 50-х годах борьба западников и славянофилов, как идеологов двух борющихся тогда классов, глубоко затрагивала вопросы старины в связи с обострившимся вопросом о дальнейших путях развития России. История и этнография были той сферой, которая питала материалом и западников и славянофилов.

Вряд ли правомерно, как это делает Здобнов, называть борьбу западников и славянофилов «классовой». И те, и другие — представители двух направлений русской общественной мысли 1840–1850-х гг. При этом западники ратовали за развитие России по западноевропейскому пути; они критиковали самодержавие и крепостничество, выступали за конституционное преобразование государственного строя страны. Главные представители западничества — П. В. Анненков, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, И. С. Тургенев, П. Я. Чаадаев, Б. Н. Чичерин и др. Взгляды западников (в первую очередь их конституционные проекты) получили развитие в программах российских либеральных партий конца XIX — начала XX в.

Славянофилы, напротив, выступали с обоснованием особого, отличного от западноевропейского, пути исторического развития России, усматривали ее самобытность в отсутствии борьбы различных социальных групп, в крестьянской общине, православии как единственно верном христианстве. Главные представители славянофильства — И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, В. А. Черкасский и др.; были близки к славянофилам В. И. Даль, А. Н. Островский, А. А. Григорьев (см. также примеч. 97 к гл. 8 «Отраслевая библиография» раздела «Вторая четверть XIX века»).

⁶ — ...с 1850 г. (через три года после того, как началась знаменитая полемика между К. Д. Кавелиным и Ю. Ф. Самариним по основным вопросам разногласий между западниками и славянофилами) в «Архиве исторических и юридических сведений» Н. В. Калачова отводится весьма почетное место библиографии русской истории, истории русского права, этнографии, географии и статистике.

О К. Д. Кавелине и Ю. Ф. Самарине и их полемике см. примеч. 97 к гл. 8 «Отраслевая библиография» раздела «Вторая четверть XIX века». Здобнов приводит цитаты из опубликованной диссертации Кавелина «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях»⁽⁷⁾ и из статьи «Некоторые извлечения из собираемых в И[мператорском] Р[усском] г[еографическом] обществе этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней занимательности и пользе для науки».⁽⁸⁾

Связывая развитие отечественной библиографии с пробудившимся в российском обществе интересом к «отечествоведению» и борьбой между славянофилами и западниками, Здобнов, с одной стороны, вполне обоснованно выявляет новые побудительные причины ее развития, поскольку в середине XIX в. библиография действительно активно формировалась в тесной связи с развитием всего комплекса гуманитарных наук, в первую очередь историографии и источниковедения (причем эти, в то время еще только складывавшиеся, дисциплины считались входящими в состав «библиографического» комплекса наук), а с другой стороны, частую приводимая им аргументация не вполне убедительна (см. примеч. 8).

⁷ — В 1856 г. в «Современнике» М. Н. Лонгинов писал: «Всякий, кто истинно любит русский язык и литературу...».

Лонгинов Михаил Николаевич (1823–1875),⁽⁹⁾ историк, библиограф, библиофил, публицист; в 1871–1874 гг. начальник Главного управления по делам печати.

В 1856–1857 гг. в журнале «Современник» Лонгинов вел отдел «Библиографические записки» (впоследствии, с 1858 г., выходил журнал под таким же названием), в котором рассказывал о находках книг и рукописей, публиковал ранее неизданные сочинения русских писателей XVIII–XIX вв., характеризовал примечательные в каком-либо отношении книги и сообщал результаты библиографических разысканий. Так, в составе «Библиографических записок» впервые были опубликованы некоторые стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Дельвига, К. Н. Батюшкова, биография П. Я. Чаадаева, материалы о Н. И. Новикове и А. Н. Радищеве.⁽¹⁰⁾ Отрывок, цитируемый Здобновым, взят им из «Библиографических записок» в «Современнике» 1856 г.⁽¹¹⁾

⁸ — Таким образом, вопросы старины и библиографические разыскания в старинной русской литературе не были политически невинными, — они играли активную роль в классовой борьбе 40-х и 50-х годов.

К сожалению, эта важная мысль — о том, что «вопросы русской старины не были политически невинными», была затем утрачена и забыта историками библиографии. Сам Здобнов тоже не развил ее до конца, сводя всю проблему к борьбе западников и славянофилов, к запретительным мерам в отношении фольклорных публикаций и, в конечном итоге, — к «классовой борьбе». Вполне очевидно, что он не владел тем материалом, который вошел в научный оборот значительно позднее, уже в 60-е годы XX в. Начало ему положили разыскания Н. Я. Эйдельмана; поиски корреспондентов А. И. Герцена привели его в «гнездо» молодых библиофилов-библиографов — в журнал «Библиографические записки». Затем последовали разыскания Л. М. Равич, посвященные Е. И. Якушкину, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремову, М. Н. Лонгинову, М. П. Полуденскому, В. И. Касаткину, А. Н. Афанасьеву, журналу «Библиографические записки», и выявилась весьма впечатляющая картина. Оказалось, что подавляющее большинство публикаций, статей и заметок молодых библиографов того времени касалось тем, находившихся под строжайшим запретом. В десятилетие, предшествовавшее падению николаевского режима, библиографы новой формации усердно накапливали такие тексты. Сохранились тетради Афанасьева, Лонгинова, Якушкина, содержавшие богатейший материал. Примерно в 1856–1857 гг. произошел некий информационный взрыв: копившееся под спудом искало выхода и в постоянных столкновениях с цензурой находило его. Во второй половине 1850-х и начале 1860-х гг. прорвались сквозь цензурные рогатки публикации, касающиеся декабристов, П. Я. Чаадаева, Н. И. Новикова. Особую активность проявил Лонгинов, которого принято считать «лютейшим обскурантом». Ему принадлежит около десятка статей и заметок о Чаадаеве (включая некролог — первый в России), цикл работ о Новикове, которые венчает монография «Новиков и московские мартинисты» (сохраняющая значение до настоящего времени); им же составлена тетрадь с запрещенными текстами Пушкина. Афанасьев и Ефремов переиздали сатирические журналы Новикова и запрещенного Екатериной II «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина. Якушкин выступил инициатором написания декабристами ряда воспоминаний и тоже активно занимался потаенным Пушкиным. Не отставали от них и другие библиографы: В. И. Касаткин, Н. В. Гербель, В. П. Гаевский, М. П. Полуденский, Г. Н. Геннади. «Легенды русского народа», собранные Афанасьевым, были запрещены. Множество мелких, но важных заметок, просто намеков, понятных читателю того времени, опубликовано в «Библиографических записках».

Наконец, почти все сотрудники журнала «Библиографические записки» были корреспондентами Вольной русской печати, и все, что не удавалось протиснуть сквозь цензурные врата, шло к Герцену. В самое горячее время, в годы подготовки и проведения крестьянской реформы, Вольная печать нашла нужным публиковать исторические разыскания, которые Герцен считал материалами для «уголовного следствия над императорским режимом». Разоблачения позорных тайн династии власть боялась больше, чем разбрасывания прокламаций, даже самых кровожадных, в деле «освободительной борьбы» порочащие династию Романо-

вых факты имели куда более серьезное значение. Вся эта масса запрещенных ранее материалов, включая и самые мелкие, в сумме представляла собой богатейший резерв для создания правдивой истории России, далекой от официальной интерпретации.

Небезынтересно отметить, что в то время появился и жанр «рассказов о книге» (пионеры этого дела — М. Л. Михайлов и М. Н. Лонгинов), обращенных к широкой читательской аудитории и посвященных, как правило, «книге осьмнадцатого столетия».

Подвизаясь в столь обширных и разнообразных литературных жанрах, библиографы середины XIX в. склонны были причислять себя к критическому цеху — в своих работах часто называли себя критиками, и это привело к ряду недоразумений и необоснованному соперничеству. Так, один из влиятельнейших библиографов того времени — Лонгинов, открывая на страницах «Современника» цикл библиофильских разысканий, названных «Библиографическими записками», с удовлетворением отмечал, что подобные, критические, труды встречают одобрение читающей публики. Таким образом, он называет библиографию критикой. С другой стороны, когда Д. И. Писарев говорил, что библиография насильно вытасила его из закупоренной кельи на свежий воздух, он имел в виду свою деятельность рецензента текущей литературы в популярном журнале, т. е. критику называл библиографией. Рецензия считалась пограничным жанром между критикой и библиографией, но и тут не было единого мнения. Так, В. Г. Белинский, имея за плечами тяжкий опыт рецензирования новинок, склонен был называть ее «малой критикой». Переноса звание критика на библиографа, иные из современников склонны были предъявлять к библиографии требования, которым она не могла, да и не должна была удовлетворять.

⁹ — ...в 50-х годах в области библиографии этих наук [история, история русского права, этнография, статистика и география, история литературы] работает уже целый ряд библиографов и выдвигаются такие фигуры, как Геннади, братья Ламбины, а затем Межов.

О библиографических работах Г. Н. Геннади, П. П., Б. П. и В. П. Ламбиных, В. И. Межова и других в области истории, истории русской литературы, права, этнографии, статистики и географии см. примеч. 143–155, 174, 175, 177–179, 204, 214, 222, 224 к гл. 9 «Отраслевая библиография» раздела «От 60-х годов до начала XX века».

¹⁰ — Сначала (в названном «Архиве») такую библиографию дают М. И. Капустин (текущую за 1848–1851 г.) и А. Н. Афанасьев (указатели соответствующих статей, напечатанных в журналах «Отечественные записки» Свиньина и «Северный архив»), а вслед за ними — текущую библиографию за 1851–1857 гг. Е. И. Ламанский, Г. Н. Геннади, П. П. Дубровский и др.

Об «Указателе книг по русской истории, географии, статистике и русскому праву...» за 1848–1851 гг., составленном М. И. Капустиным и опубликованном в «Архиве историко-юридических сведений...» Н. В. Калачова в 1850–1861 гг., см. примеч. 83 к гл. 8 «Отраслевая библиография» раздела «Вторая четверть XIX века».

А. Н. Афанасьев составил указатели содержания журналов «Отечественные записки» и «Северный архив», выделив в них статьи по русской истории, географии, статистике и праву:

Афанасьев А. Н. Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в «Отечественных записках», издаваемых П. П. Свиньиным [1818–1830] // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. — 1854. — Кн. 2, [ч.] 2. — Прил. 2. — С. 1–123; 1861. — Кн. 3. — Прил. 2. — С. 1–131.

Афанасьев А. Н. Указатель статей по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в «Северном архиве» ч. 1–36 [1822–1828] // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. — 1850. — Кн. 1. — Прил. 2. — С. [1–2], 1–100. Напечатано также: Сев. архив. — 2-е изд. — 1876. — Кн. 1.

В «Вестнике Императорского Русского географического общества» в 1852–1856 гг. печаталось «Обозрение русской географической, этнографической и статистической литературы за ... год», включавшее книги и журнальные статьи. «Обозрение...» за 1851 г. составил Е. И. Ламанский; за 1852 г. — без имени составителя; за 1853 г. Г. Н. Геннади составил указатель отдельно вышедших сочинений, а П. П. Дубровский — «Указатель статей, помещенных

в журналах и газетах»; за 1854 г. указатель вновь составил Геннади (печатался в «Вестнике...» в 1855 и 1856 гг.). (См. примеч. 145 к гл. 9 «Отраслевая библиография» раздела «От 60-х годов до начала XX века».)

¹¹ — В той же связи стоит и составленный А. Пискаревым «Алфавитно-синтетический указатель сведений о России, заключающихся в неофициальной части „губернских ведомостей“...» за 1838–1856 гг.

Пискарев Алексей Иванович (ум. 1868),⁽¹²⁾ преподаватель Полтавской и Рязанской духовных семинарий, автор трудов по русской историографии и археографии.

Здобнов имел в виду следующие указатели:

Пискарев А. И. Алфавитно-синтетический указатель сведений о России, заключающихся в неофициальной части „губернских ведомостей“ [1838–1851] // Вестник Императорского Русского географического общества. — 1857. — Ч. 20, кн. 3. — Отд. IV. Библиография. — С. 1–40; кн. 4. Отд. IV. — С. 41–72. — Автор указан в оглавлении.

Пискарев А. И. Алфавитно-статистический [так! — Л. Р.] указатель неофициальной части „губернских ведомостей“ [1852–1856], составленный ... А. Пискаревым (1838–1851) // Вестник Императорского Русского географического общества. — 1860. — Ч. 29, кн. 6. — С. 1–34; кн. 7. — С. 35–70.

Указатель включал имена лиц, названия народностей, географические объекты, которым посвящены публикации в «губернских ведомостях», предметные слова (например, «обряды и обычаи») с отсылками к соответствующим «губернским ведомостям»; при этом в отсылках указывалось: сокращенное наименование губернии, в которой выходили «губернские ведомости», год их издания, номер.

¹² — ...братья Ламбины при содействии Академии наук составляют по обширной программе ежегодники «Русская историческая библиография» за 1855–1864 гг. (Спб. 1861–1884), а В. И. Межов — также ежегодный «Библиографический указатель вышедших в России книг и статей по части географии, топографии, этнографии и статистики» за 1859–1880 гг. (Спб. 1860–1883).

Об указателях Ламбиных см. примеч. 143, 146 к гл. 9 «Отраслевая библиография» раздела «От 60-х годов до начала XX века».

¹³ — Тесно связанная с движением отечествоведения краевая библиография в 50-х годах, как и в предыдущее десятилетие, еще не сделала значительных успехов, но охватила уже ряд районов...

О работах по краеведческой библиографии и библиографии местных изданий, которые Здобнов объединил понятием «краевая», см. примеч. 301–303, 307, 310–315, 320–322, 325, 331–352, 355–360 к гл. 10 «Краевая библиография» раздела «От 60-х годов до начала XX века».

¹⁴ — К числу наиболее выдающихся явлений в области отечествоведения относится основание в 1850 г. отдела «Rossica» в Публичной библиотеке, задачей которого поставлено собирание всех книг на иностранных языках, относящихся по содержанию к России. Этот отдел, которым до сих пор по праву гордится Публичная библиотека, основан ее директором бароном М. А. Корфом <...> а фактически организован выдающимся русским библиотекарем и библиографом В. И. Собоьщиковым (1813–1872), который в течение 22 лет заведовал им, был его комплектователем, хранителем, каталогизатором и автором капитального каталога: «Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersburg. Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères (T. I–II. St.-P. 1873)».

В первом издании «Истории...» все, касающееся М. А. Корфа, было вычеркнуто, и текст выглядел следующим образом: «Этот отдел, которым до сих пор по праву гордится Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, организован выдающимся русским библиотекарем и библиографом В. И. Собоьщиковым...» Видимо, упоминание имени барона Корфа в 1944–1947 гг. показалось редактору первого издания неуместным, однако подобное изъятие привело к искажению исторического факта, продолжающего кочевать из работы в работу и поныне. Так, в выпущенной в 1999 г. энциклопедии «Книга» в статье о Собоьщикове (автор

Ю. Н. Столяров) также говорится о том, что отделение «Россика» в Императорской Публичной библиотеке создано В. И. Соболевичевым.⁽¹³⁾

Автором каталога отделения «Россика», изданного в 1873 г. в двух томах,⁽¹⁴⁾ был не Соболевичев, как утверждает Здобнов, а К. Ф. Феттерлейн.⁽¹⁵⁾

¹⁵ — Но среда «библиографической молодежи» была неоднородной. В ней были представители разных классов, разных идеологий и интересов, разных дарований и масштабов. Одни шли вперед, другие топтались на месте, третьи пятились назад — особенно по мере нарастания оппозиционных настроений среди интеллигенции и напряженного положения в деревне, угрожавшего революционным взрывом. Одним были видны далекие и широкие горизонты; другие этих горизонтов не видели. Для одних библиография была только средством; для других она была целью. Одни ставили перед нею широкие задачи общественного значения; другие ограничивались пустыми мелочами и раскапыванием старого хлама только ради процесса такого раскапывания <...> Развивались уродливые формы библиографии, ограниченные безыдейной любовью к книжным редкостям как таковым независимо от их научной, литературной и вообще какой-либо культурной ценности.

Подобные высказывания, некритически воспринятые исследователями последующего периода, специалистами в области библиографии и истории литературы, приводили к необъективной оценке библиографического направления середины XIX в. Однако в высказывании Здобнова важны два положения: во-первых, что для того времени была характерна «мода на библиографию», охватившая молодежь 1850-х годов; во-вторых, что «среда „библиографической молодежи“ была „неоднородной“». Эти положения требуют осмысления. Итак, «мода на библиографию». Точнее было бы говорить о престиже библиографии, возросшем вслед за общим увлечением историей в целом и отечествоведением в частности, как отраслью истории.

«Век наш по преимуществу исторический век, — писал В. Г. Белинский. — Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии».⁽¹⁶⁾ Библиография считалась наукой исторической и рассматривалась как часть истории культуры. Естественно, что столь важное поприще не могло не привлекать молодых людей, воспитанных в любви и уважении к книге и просвещению в целом. Все эти новые библиографы к середине XIX в. достигли цветущего творческого возраста: М. Н. Лонгинов родился в 1823, Г. Н. Геннади — в 1826, А. Н. Афанасьев и Е. И. Якушкин — его сверстники, М. Л. Михайлов — в 1829, М. П. Полуденский, В. И. Касаткин и П. А. Ефремов — в 1830 гг. Все они — воспитанники Московского (реже — Петербургского) университета. Уже давно замечено, что в период расцвета той или иной отрасли, в ответ на общественную потребность, возникают некие плеяды деятелей, определяющих звездный час той области, в которой трудятся. Ни до, ни после 1850–1870-х гг. не было в русской библиографии такого мощного сообщества молодых талантливых деятелей.

Что же касается «безыдейной любви к книжным редкостям», то Здобнов не разъяснил, о чем идет речь: о любви ли к редкостям вообще или о «безыдейности» такой любви. Ведь к редкостям принадлежали и сочинения А. Н. Радищева, М. М. Щербатова, Я. Б. Княжнина, Н. И. Новикова, не говоря уже о менее заметных деятелях. Новые, молодые библиографы, все без исключения были видными библиофилами и, естественно, их привлекали книжные редкости. Но никто из них не отдавал преимущественного внимания именно книжным редкостям (если не считать того факта, что Геннади составил указатель «Русские книжные редкости»), не занимался специально библиографией редких старинных книг. Высказываемые Здобновым упреки не имеют к названным выше персонажам никакого отношения.

¹⁶ — Весьма показательны в этом отношении некоторые из «Библиографических отрывков», печатавшихся в «Отечественных записках» 1854–1859 гг. в качестве научных публикаций Императорской Публичной библиотеки.

Публикации, осуществленные сотрудниками Императорской Публичной библиотеки на страницах «Отечественных записок», кстати, почти сразу прекратившиеся, никак не могут иллюстрировать «безыдейную любовь» к книжным редкостям. В книге «Императорская

Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914» приводятся сведения об этих «Библиографических отрывках», в том числе и об авторстве большинства из них.⁽¹⁷⁾ Сообщается, что цель их публикации — ознакомить ученый мир с наиболее любопытными произведениями, хранящимися в отделении «Россика» ИПБ. Упомянутая Здобновым статья; ее точное заглавие — «Несколько редких и малоизвестных иностранных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века»⁽¹⁸⁾ (см. примеч. 074 к тексту данной главы) также относилась к этому циклу и ставила главной целью раскрытие сокровищ ИПБ.

¹⁷ — *«Библиограф неисцелим. Он нашел пустую книжонку, но она чрезвычайно редка — и он счастлив, и опять начинает искать другую, неизвестную, быть может еще пустейшую».* Так с упоением писал о себе один из наиболее ярких представителей библиографического движения 50-х годов — М. Н. Лонгинов, в то время либеральный сотрудник «Современника», а впоследствии начальник цензурного ведомства и автор одного из наиболее реакционных цензурных законов 1872 г.

Это, кочующее из одной исторической работы в другую, полусутопливое высказывание Лонгинова, свидетельствует лишь о том, что он, как и всякий коллекционер, радовался приобретению раритетов, однако как историк литературы прекрасно понимал, что находка его может не иметь никакой культурной ценности. Сам же Лонгинов, как уже отмечалось, занимался сюжетами отнюдь не мелочными и не случайными. Именно его работы могут служить яркой иллюстрацией того значительного вклада в историю русской культуры и просвещения, которую внесло библиографическое направление 1850-х гг. И именно этим вкладом, а не отдельными огрехами, свойственными всякому новому делу, оно памятно и ценно.

Справедливости ради надо отметить, что при всей антиисторичности отдельных высказываний Здобнова, он все-таки пытался быть объективным, насколько это было возможно в обстановке 1930-х гг., и сумел отметить положительные стороны «библиографизма» 1850-х гг.

¹⁸ — *Наконец, в конце 50-х годов под вуалью мнимой учености и показной либеральности стала появляться библиографическая пропаганда реакционной литературы. Таковы, например, первые выпуски изданного Н. Бенардаки и Ю. Богушевичем «Указателя статей серьезного содержания, помещенного в журналах прежних лет» (Спб., 1858).*

Действительно, этот указатель, в котором описан материал из журналов Н. И. Греча и О. И. Сенковского, был встречен единодушным осуждением всей тогдашней прессы, включая «Современник» (рецензия Н. А. Добролюбова). По мнению Здобнова, солидарного с критикой 1850-х гг., сама идея этого указателя была порочна: искать статьи серьезного содержания в несерьезных журналах. Тем не менее представлять его как попытку «пропаганды реакционной литературы» все же нельзя. Указатель предназначался ученым — «будущим зиждителям здания русской мысли», которые нуждались не в пропаганде, а в информации, поэтому как библиографическое пособие, посвященное росписи периодических изданий, он представлял определенную ценность. Указатель Н. Д. Бенардаки и Ю. М. Богушевича вовсе не заслуживает столь серьезного разговора и поэтому столь неожиданно звучит финал данной главы у Здобнова. (Об этих указателях см. также примеч. 35 к гл. 2 «Общая библиография. Библиография русской библиографии»).

¹⁹ — *Этим реакционным и уродливым тенденциям в библиографии объявил решительную борьбу Добролюбов при поддержке Чернышевского...*

Борьба революционных демократов то ли против, то ли за библиографию — одна из основных мифологем Здобнова. Комментировать ее невозможно, т. к. в сущности ни Чернышевского, ни тем более Добролюбова нисколько не интересовала судьба библиографии в России. В 1850-е гг. произошло обострение межгрупповой борьбы критиков, а поскольку многие (почти все) библиографы того времени считали себя и критиками, то они подлежали уничтожению как соперники. Ни Чернышевский, ни Добролюбов не учли и того обстоятельства, что на их глазах зарождалось академическое литературоведение, стремившееся отделиться от критики-публицистики и как раз нуждавшееся в тех «мелочах», которые ему предоставляла библиография.

В 1930-е — начале 1950-х гг., к теме «Революционные демократы и библиография» исследователи не обращались по ряду причин. Во-первых, наследие революционных демократов еще не было в должной степени собрано, систематизировано и изучено (ко времени работы Здобнова над «Историей русской библиографии» с относительной полнотой были собраны лишь тексты В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова; изучение наследия Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева в 1930-е гг. находилось в начальной стадии). Во-вторых, отсутствовала принятая на уровне официального литературоведения интерпретация взглядов революционных демократов по ряду вопросов, в том числе и по вопросам библиографии. В-третьих, даже в тех основных трудах по истории русской общественной мысли, которыми (со ссылками или без них) руководствовался Здобнов (Р. В. Иванов-Разумник, Г. В. Плеханов), взгляды революционных демократов трактовались зачастую прямо противоположным образом. С середины 1920-х по середину 1950-х гг. их наследие представляло собой обширное поле для баталий критиков и литературоведов, зачастую имевших подоплеку личного характера, несмотря на идеологическое оформление. Как показал крупнейший из современных Здобнову знатоков наследия революционных демократов Б. П. Козьмин, автор «Истории русской библиографии» знал эту тему недостаточно глубоко, что привело к излишней категоричности его выводов.

Впервые после Здобнова к теме «революционные демократы и библиография» обратился известный библиограф Ю. И. Масанов, опубликовавший на страницах «Советской библиографии» обширную статью.⁽¹⁹⁾ Являясь, по-видимому, детализацией высказанных Здобновым положений, она фактически была шагом назад по сравнению с «Историей русской библиографии...», но тем не менее на многие десятилетия определила взгляды советских историков библиографии. Масанов выдвинул в адрес библиографов 1850-х гг. несколько четко сформулированных обвинений. Первым было, как и следовало ожидать, — «увлечение стариной». Но если Здобнов подошел к этому явлению диалектически, понимая его причины и отдавая дань научному и патриотическому значению этого явления, то Масанов трактует его исключительно в негативном плане как «бегство от жгучих проблем современности», полностью проигнорировав, например, отношение к этому явлению Герцена, также «увлекавшегося стариной». (Заметим, что Герцен вообще выпал из темы «Революционные демократы и библиография», — слишком уж «невыгодным» было его отношение «к нашим почтенным библиофилам»). Вторым обвинением Масанова стала «мелочность разысканий». Конечно, такой грех был у библиографии 1850-х гг. — как неизбежное следствие «эпохи первоначального накопления фактов», присущее любой молодой отрасли гуманитарного знания. Трактовать его как нечто злостное, как установку на собирание мелочей — значит модернизировать явление и вынимать его из контекста истории. Третий пункт звучал как «недооценка литературной критики». Это обвинение никак не мотивировалось, да и мудрено было бы его мотивировать, так как и сами библиографы, и их противники склонны были назвать библиографические разыскания критикой. Тогда непонятно, о какой «недооценке» идет речь. Возможно, Масанов имел в виду то, что библиографы 1850-х гг. не занимались критикой-публицистикой. Но это не недостаток, а их заслуга. Процесс отделения публицистики от истории литературы и неразрывно с ней связанной библиографии был исторически обусловлен, и здесь речь идет не о злостных происках библиографов, а об органичном процессе, вызванном развитием и дифференциацией гуманитарных наук. Четвертым обвинением Масанова были «библиофильские тенденции». Видимо, это брошенная вскользь Здобновым фраза о «безыдейной любви» части библиографической молодежи к книжным редкостям. Антиисторизм такого высказывания давно опровергнут. Совершенно очевидно, что именно библиофильство сделало библиографов середины XIX в. настоящими знатоками книги, видевшими ее «живьем», в отличие от профессионалов типа В. И. Межова, работавших исключительно с готовым библиографическим материалом. Проскальзывает у Масанова и зловещее словечко «формализм». А в вышедших двумя годами позднее «Хрестоматии по русской библиографии»⁽²⁰⁾ и первом вузовском учебнике по общему курсу библиографии⁽²¹⁾, мы уже находим целые разделы, озаглавленные «Реакционный формализм и объективизм в библиографии», в которых говорится о библиографах середины XIX в.

Важно отметить, что с ужесточением идеологического давления в 1930 — начале 1950-х гг. обвинения против библиографов 1850-х гг. становился все суровее, пока, наконец, не оказалось, что они были врагами прогресса и освободительного движения — в советских исторических трудах возобладали именно такие оценки; термины «война», «борьба», «поход» замелькали на страницах историко-библиографических трудов, придавая им «боевой» характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Герцен А. И. Собрание сочинений М., 1958. Т. 14. С. 296.
- (2) Огарев Н. П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 451.
- (3) Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: секретная политическая история России XVIII — XIX веков и Вольная печать. М., 1973. С. 98.
- (4) Пытин А. Н. Мои заметки. М., 1910. С. 71—73.
- (5) Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 124.
- (6) Современник. 1856. Т. 58, авг. [№ 8]. С. 33—84; Т. 59, сент. [№ 9]. С. 23—66.
- (7) См.: Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 4. Этнография и правоведение / с примеч. Д. А. Корсакова. СПб., 1900. Стб. 205—420.
- (8) Там же. Стб. 167—180.
- (9) О нем см.: Березин-Ширяев Я. Ф. Михаил Николаевич Лонгинов : (из воспоминаний библиофила). СПб. : Ред. журн. «Библиограф», 1892. 16 с. : портр.; Попов М. Лонгинов Михаил Николаевич // РБС. [Т.] Лабзина-Ляшенко. СПб., 1914. С. 630—631; Равич Л. М. Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга : исслед. и материалы. 1996. Сб. 72. С. 160—197; Ранчин А. М. Лонгинов Михаил Николаевич // Русские писатели, 1800—1917 : биограф. слов. М., 1993. Т. 3. С. 386—389.
- (10) См.: Равич Л. М. Портрет восьмой. В дар Пушкинскому Дому : [очерк о М. Н. Лонгинове] // Собиратели книг в России / сост. Л. М. Равич. М., 1988. С. 220—232.
- (11) Современник. 1856. Т. 57, № 5. Отд. «Библиографические записки». С. 1.
- (12) О нем см.: Пискарев Алексей Иванович // Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д. Библиографический словарь писателей, ученых и художников (преимущественно Рязанской губернии)... Рязань, 1910. С. 184—186.
- (13) Книга : энциклопедия М., 1999. С. 602.
- (14) Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères / Bibliothèque Imperiale Publique de St.-Petersbourg. St.-Pb., 1873. Т. 1—2.
- (15) См.: Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. СПб., 1914. С. 366, 369; Шиллов Л. А. Феттерлейн Карл Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биограф. слов / РНБ. Т. 1. С. 539—541.
- (16) Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 6. С. 43.
- (17) Императорская Публичная библиотека за сто лет... С. 288—289.
- (18) Отеч. зап. 1856. Т. 104, № 2. С. 345—394.
- (19) Масанов Ю. И. Добролюбов и Чернышевский о библиографии и библиографическом направлении в литературной критике // Сов. библиогр. 1954. Вып. 37. С. 25—39.
- (20) Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 год : учеб. пособие для студентов библиотечных ин-тов. М. : Госкультпросветиздат, 1956. 447 с.
- (21) Общая библиография : учебник для библиотечных ин-тов. М. : Сов. Россия, 1957. 464 с.